

О ВОЛЬДЕМАРЕ ПЕТРОВИЧЕ КОРОНКЕВИЧЕ – ШЕФЕ, УЧИТЕЛЕ, ЛОКОМОТИВЕ

Владимир Андреевич ХАНОВ

*Кандидат технических наук,
зам. Директора Страховой группы НФ «АСКО»*

Я понимаю, что все, кто знал В.П.К., вспоминают о нем как о выдающемся ученом, Ученом с большой буквы, о его заслугах в области метрологии, оптики и т. д. Безусловно, он был генератором идей, двигателем, увлекал за собой, как мощный локомотив, весь коллектив, который он возглавлял. Я же хочу остановиться на его невероятном жизнелюбии, умении строить отношения в коллективе, его замечательных человеческих качествах, да простится мне несколько легкомысленный тон моих заметок.

Ни у одного человека, будь он даже завистливым и недоброжелательным, не повернется язык упрекнуть Шефа в непорядочности, черствости, неинтеллигентности.

Он очень любил своих близких, детей, внуков. Каждый из нас, кто работал под его руководством, считал его Учителем. Да, мы иногда пользовались его мягким характером. Но мы знали, что Шеф поймет, войдет в положение. Мы равнялись на него, работа увлекала нас. У каждого был свой участок общей работы, и мы его возделывали, как могли. Прежде всего, вспоминается бесхитростный, но постоянно чем-то увлеченный Юра Юрлов. Очень жаль, что сегодня у него проблемы со здоровьем. Умница Женя Чуринов. Внешне простоватый, но четко знающий свою сверхзадачу Сережа Агутов. Деликатный и сдержанный Володя Ведерников. Гена Арнаут, в то время еще молодой и здоровый. Наконец, наша палочка-выручалочка, мастер на все руки, слесарь Владимир Федорович Горбунов. Эти люди долгое время работали с Шефом и, наверняка, сохранили о нем теплые воспоминания.

* * *

Шеф знал и с удовольствием рассказывал новые анекдоты. Наверняка некоторые из них он сам придумывал.

Например, он рассказывал такую шутку:

Спрашивают: «Назовите руководителей института?»

Секретарь отвечает: «Нестерихин, Искольдский, Коронкевич.»

«А теперь произнесите это слитно, и получится только два руководителя».

Часто на вопрос о направлении работы лаборатории он отвечал: «Мы ж оптики!»

На вопрос по телефону: «Куда я попал?» Шеф отвечал: «А куда Вы целились?»

Чукча приехал из Москвы после участия в партийном съезде. Рассказывает своим соратникам: «Нам сказали, что теперь будем жить для человека и во имя человека! И даже этого человека показали!» (анекдот с бородой, но услышал я его впервые именно от ВП).

Выступает седой академик на Общем собрании АН. Говорит: «Давайте трудиться не жалея сил... — немного подумал и добавил: — аспирантов и студентов».

* * *

Наутро уезжал гость Шефа (кажется, немец). Шеф после работы зашел к нему в гостиницу «Золотая долина» попрощаться. Выпили по символической прощальной рюмке, и Шеф ушел домой. Утром он обнаружил впившегося клеща. В больнице на Пирогова ему вытащили клеща и поставили укол. Впоследствии Шеф снова попал в больницу, долго лежал под капельницей, в реанимации. Вернулся на работу через 1,5 месяца и рассказал поразительную

историю. В то же утро, когда ему вытаскивали клеща, в больницу привезли пьяного, который ночевал в лесу. С него сняли 40 клещей, измазали всего зеленкой и отпустили домой. И он не заболел! И здесь Шеф себя спрашивал: «А в правильном ли направлении идет наша медицина!?»

* * *

Некоторые байки из его прошлой жизни я запомнил. Например, как рабочие на заводе п/я 105 протирали оптику. Им для протирки оптики ежедневно выдавалось по 50 г чистого спирта. Расставив полукругом детали на столе, они заглатывали спирт и дышали парами на детали. Потом сразу же протирали их ваткой. Причем уверяли, что в выдыхаемых парах содержится оптимальное содержание воды, и это позволяет качественно протирать оптику.

* * *

Инженер Игорь очень любил делать добро. Однажды поздно ночью 1 апреля он позвонил домой Шефу и стал убеждать его положить мокрую тряпку на телефон. В смысле срочно охладить аппарат. На эту заботу Шеф отреагировал кратко: «Игорь, я тебя узнал, положи трубку». На следующее утро Шефу принесли приказы на премию. Увидев фамилию инженера Игоря, он обрадовался и сказал: «А теперь я пошучу!» и вычеркнул его из списка премированных.

С этого дня инженер Игорь перестал любить делать добро Шефу и стал его делать другим, пока его не уволили.

* * *

Шеф шутил, что он принципиально не изучает иностранные языки: во-первых, иностранных ученых принимает Директор, а он свободно владеет секретаршей-переводчицей, во-вторых, ученый секретарь владеет словарем иностранных слов. Здесь не все правда — В.П. очень прилично знал немецкий и даже немножко французский.

* * *

Пришло время, и Шеф стал первый раз дедушкой. Мы, двадцатипятилетние, совсем не понимали, в какой психологический капкан попал Шеф. Он, безусловно, был рад рождению внука, но какие-то грустные нотки все-таки были заметны! Позднее, со свойственным ему юмором, он образно сформулировал свое состояние: «Одно дело стать дедушкой, а другое — спать в одной постели с бабушкой!». Нам на тот момент тоже стало грустно, но ненадолго.

* * *

Шеф всегда отличался нестандартным подходом к житейским ситуациям. Именно он придумал в командировке за ужином в ресторане при гостинице посылать инженера Женю в номер за свежей заваркой к чаю. Инженер Женя раза два за вечер поднимался в номер и заливал в заварной чайник спирт. Затем вся компания за столом с удовольствием пила безалкогольный напиток «Лада» и весь вечер оживленно общалась. Через 20 лет, будучи во Владимире, в память о шефе я заказал этот напиток, но прежнего воодушевления не испытал.

* * *

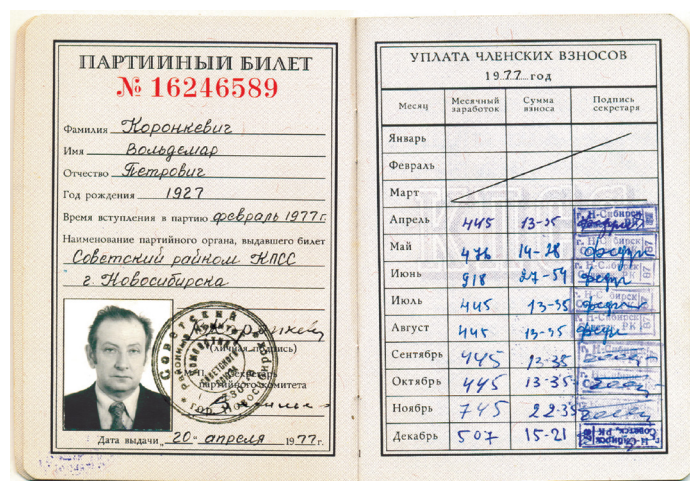
Почти все изданные Шефом книги написаны в соавторстве. Он всегда старался привлечь к своим идеям и работам молодых сотрудников. Это была своеобразная манера соавторства. Вначале всегда было его слово. Его идея. Эта идея развивалась соавтором, а черновик читал Шеф: правил, вычеркивал лишнее, предлагал что-то добавить или переделать, даже ставил запятые. Соавтор заново переписывал, иногда вставлял новые тексты. Шеф снова правил и так происходило до 3 раз (по крайней мере, со мной). Что мне нравилось в этой методике — свобода творчества, экстаз, когда пишешь о хорошо знакомой тебе теме. Шеф не ограничивал, а направлял, а это уже школа. За это я очень ему благодарен.

* * *

Анекдотические ситуации разворачивались в нашем институте. Один научный сотрудник подал заявление о переезде на историческую родину. В те времена это было редкостью. По этому поводу было созвано общее собрание института (перекрыли выходы и входы и всех загнали в актовЫй зал). Что происходило на собрании, было слышно только в первых рядах. Выступали его же коллеги и клеймили позором. На задних рядах играли в шахматы, дремали, читали, вели свои беседы. Но когда объявили о выступлении Шефа, и он стал говорить — все затихли. Смысл его речи сводился к тому, что это наш коллега, работает не один год, работает хорошо. Не может он за одну ночь стать отщепенцем и врагом. Раз решил ехать — пусть едет. У нас свои проблемы, которые нужно срочно решать. Эта миротворческая речь впоследствии сыграла с ним злую шутку. Его избрали парторгом института, и он из-за своего мягкого характера не смог отказаться. В то время мы все хотели перемен и наивно полагали, что если придут к власти порядочные люди — мир изменится. Господи, как это было давно!

* * *

Шеф — коммунист, более того — парторг Института! Звучало даже в те времена диковато. А к весне и нам, всей лабораторией, пришлось участвовать в партийных мероприятиях. Все с вечера договорились и вышли на Ленинский субботник по поводу строительства модуля (дополнительного здания во дворе института) — не бросать же Шефа одного. Оказалось — довольно веселое и забавное занятие. Девушки в спортивных костюмах, доброжелательно настроенные ребята, весело улыбающиеся «старички». Я носил с Шефом бревно (по Ленину). К обеду закончили разбрасывать снег, и мы, молодежь, зашли в столовую, выпили пивка и в хорошем настроении разошлись по домам — готовиться к вечерним подвигам!

На том самом субботнике.

* * *

На демонстрацию 1 мая снова пришла вся лаборатория. Шеф с руководством впереди. Мы в колонне. Но того радостного возбуждения никто не испытал. Одно дело работать, другое стоять и ждать. Как только прошли Морской проспект, побыстрее сдали флаги и разошлись. Больше я на демонстрации не ходил.

ОПТИК ОТ БОГА

Юрий Васильевич ЧУГУЙ

*Заслуженный деятель науки РФ,
доктор технических наук, профессор,
директор КТИ НП СО РАН*

Вспоминаю свою первую встречу с Вольдемаром Петровичем осенью 1968 года. Именно с этого года начинается отсчет его трудовой деятельности в ИАиЭ на посту заведующего лабораторией. Так совпало, что и я после окончания НГУ в этом же году был распределен в институт на должность стажера-исследователя. Мы стояли и ждали, когда откроется Бюро измерительных приборов. Заканчивался обеденный перерыв, но дверь в БИП что-то не открывалась. Я уже был наслышан о новом сотруднике института и с ним еще не был знаком, хотя знал, что он специалист в области лазерной интерферометрии. Так и стояли мы, молча разглядывая друг друга, вернее, я изучающе смотрел на него. Передо мной был уверенный в себе 40-летний мужчина в расцвете сил, высокий, стройный с широкими плечами, аккуратно выбритый, где-то даже импозантный, в костюме, в белой рубашке с галстуком (в отличие от многих, предпочитающих демократический стиль одежды). Время от времени на лице его блуждала улыбка. Судя по всему, он о чем-то сосредоточенно думал, переминаясь с ноги на ногу. И хотя пора уже было открывать дверь БИП, он предпочитал не стучать в дверь, а терпеливо ждать. Я нутром чувствовал, что этот человек не случайно приглашен в ИАиЭ Юрием Ефремовичем, что с ним будет связан новый этап в истории института. И я, как оказалось, не ошибся. Уже очень скоро мы почувствовали мощное «оптическое влияние» Вольдемара Петровича на тематику ИАиЭ.

Развернув в 1968 г. деятельность своей лаборатории в ИАиЭ, Вольдемар Петрович начал внимательно изучать научную среду, в которой он оказался. Очень скоро у него установились деловые контакты с канд. техн. наук Петром Емельяновичем Твердохлебом из лаборатории докт. техн. наук Михаила Петровича Цапенко (ласково его называли «ЦАПом»), зам. директора ИАиЭ. В этой лаборатории под руководством Петра Емельяновича выделилась научная группа, которая решила заняться голографией применительно к распознаванию образов. Именно этими проблемами занимались в лаборатории ЦАПа, имея в виду электронные средства реализации идей. В этом отношении когерентная оптика на основе лазерных источников света казалась очень привлекательной в силу двумерного характера выполнения линейных преобразований (прежде всего, преобразование Фурье и свертка) над массивами информации (изображениями) со скоростью света. Большое впечатление на всех нас произвела статья Лейта и Упатниекса в научно-популярном журнале «Наука и жизнь», посвященная принципам и возможностям голографии как способа записи и воспроизведения оптической информации о трехмерных объектах. Кроме Петра Емельяновича, энтузиастами этих работ выступили также м. н. с. Евгений Семенович Нежевенко, который стал «закисать» на прежней тематике, и пришедший в ИАиЭ на дипломную практику Игорь Гибин, студент НЭТИ. Именно ими были получены первые фурье-голограммы в стенах ИАиЭ — в подвальной комнате, которую занимала лаборатория Коронкевича. Как-то так получилось, что Вольдемар Петрович взял сразу под опеку эту новую тематику, не только предоставив необходимое оборудование, но и время от времени консультируя ребят. Для воспроизведения голограмм с хорошим качеством крайне важно было получить интерференционную картину с высоким контрастом — результат сложения опорного и объектного пучков. И здесь опыт Вольдемара Петровича как интерферометриста был востребован в полной мере. Получив

первые голограммы, группа Твердохлеба стала строить планы на будущее, к реализации которых я подключился в 1969 г. А эти планы предусматривали поисковые исследования сначала в области когерентно-оптической обработки информации, а несколько позже в области голографической памяти.

Так как Юрий Ефремович в это время жесткой рукой реорганизовывал структуру и тематику института, то П. Е. Твердохлебу необходимо было срочно определиться с тематикой и статусом руководимого им коллектива. Он выступил с инициативой создания под его руководством тематической группы. Эту идею поддержал Вольдемар Петрович, согласившись взять группу под свое крыло в составе своей лаборатории. Так появилась «на свет» тематическая группа 9-5. Вполне естественно, что с этого момента началось еще более тесное сотрудничество нашей группы с лабораторией Вольдемара Петровича.

Время от времени мне приходилось встречаться с Вольдемаром Петровичем, и каждый раз он открывался для меня новой гранью. Уже в 8.30 (начало рабочего дня) он сидел за своим столом в белоснежной рубашке и что-то аккуратно и сосредоточенно вычерчивал остро отточенным карандашом, как правило, — ход лучей в разрабатываемой им оптической системе. Но при обращении к нему с каким-либо вопросом он мгновенно переключался и давал либо совет, либо звонил по телефону (чаще всего Борису Исаковичу Быховскому, бывшему в то время начальником оптического цеха на НПЗ им. Ленина) с просьбой помочь ребятам оптическими деталями. А в этих деталях мы — ох как! — нуждались на этапе становления тематики.

Меня всегда удивляло, как Вольдемар Петрович бережно опекал нашу темгруппу, не вмешиваясь в ее деятельность, скорее поощряя, всемерно помогая. К интегральным преобразованиям, которыми мы щеголяли и щелкали «как семечки», он относился весьма своеобразно, прежде всего, пытался понять их «физику» не только на языке волновой оптики (все свести к интерференции волновых фронтов), но и в рамках лучевой геометрической оптики. Признаться, мы с некоторым юношеским высокомерием относились к таким подходам, считая все, связанное «с лучиками», пережитком прошлого. Ибо для нас в то время существовала только фурье-оптика с могущественнейшим фурье-преобразованием, выполняемым почти обычной линзой. Нам казалось, что средствами фурье-оптики можно решить любую задачу. Очень скоро мы поняли, как заблуждались на этот счет. Все имеет свои границы, и фурье-оптика не является панацеей от всех бед. Я лично уже в 1975 г. оценил эффективность волновых (интерферометрических) и лучевых (геометрических) подходов В. П. Коронкевича при анализе сложных волновых полей. И здесь мне помог его величество случай.

А начиналось все с посещения НПЗ им. Ленина, куда мы приехали с Игорем Гибиным за «некондиционной» оптикой. К нам навстречу вышел внушительного вида мужчина с леви-тановским голосом. «Бычков Рудольф Михайлович, старший инженер», — представился он. Ему было поручено опекать нас на заводе. «А чем, собственно говоря, вы занимаетесь, молодые люди?» — спросил он нас. «Оптику я знаю, а вот о “фурьеовой оптике” что-то не слышал». И мы начали объяснять ему с жаром, что же такое фурье-оптика, как она позволяет получать и фильтровать фурье-спектры объектов. И вдруг наш опекун неожиданно спросил: «А этой вашей “фурьеовой оптикой” вы можете определить по спектру геометрические параметры резьбы микровинтов?». Мы с Игорем были сильно озадачены и пообещали подумать. В ту минуту я даже не представлял, что эта встреча окажется для меня судьбоносной, что она уже в недалеком будущем круто изменит тематику моих исследований.

В.П.К. в КТИ НП с директором докт. техн. наук Ю. В. Чугуем (справа) и гл. инженером (и близким другом) Б. И. Быховским (слева).

Вернувшись в институт, я рассказал Петру Емельяновичу и Вольдемару Петровичу о нашей встрече с Р. М. Бычковым и о задаче, которую он нам поставил. К моему удивлению, Вольдемар Петрович очень живо отреагировал на сказанное мною и подтвердил актуальность задачи автоматизации контроля геометрических параметров. «Пора уходить от обычного визуального контроля резьбы микроскопом. Надо это автоматизировать. По опыту работы на НПЗ им. Ленина знаю, насколько это трудоемкая операция. А может быть, действительно, попытаться найти параметры резьбы по ее спектру?» — сказал он, обращаясь ко мне. И с этого момента я переключился на решение этой задачи, тем более, что по тематике оптической обработки информации некогерентными методами у меня был «кризис жанра»: я почувствовал, что уперся в стену, что-то не просматривались методы дальнейшего повышения точности оптических вычислений и, самое главное, не было приложений. А здесь — совершенно реальная задача, объект имеет четкую теневую проекцию (нет проблем с вводом входной информации в оптическую систему), и, как оказалось, у него достаточно четкий спектр. Необходимо было расшифровать спектр объекта, понять, каким образом в нем представлены его геометрические параметры и найти алгоритмы их вычисления.

С огромным энтузиазмом взялся я за расчет двумерного спектра резьбы и уже недели через две мне это удалось сделать. Однако, как оказалось, «за деревьями не было видно леса». Необходимо было на физическом уровне интерпретировать полученный спектр. И здесь мне преподал блестящий урок Вольдемар Петрович, который все разложил по полочкам и на интерферометрическом языке очень просто объяснил наблюдаемые в спектре закономерности и их связь с исходными геометрическими параметрами резьбы. Говорят: «Не сотвори себе кумира!» В тот момент методы расчета когерентно-оптических систем по Вандер-Люгту, которые мы, молодые оптики, абсолютизировали, померкли в моих глазах. Эти методы, будучи строгими, не всегда, к сожалению, позволяют быстро и наглядно объяснить наблюдаемые эффекты в сравнении с простыми физическими и геометрическими подходами. Более того, такие сложные явления, как дифракционные, тоже поддаются простой интерпретации. И хотя такие подходы не всегда дают точные результаты, но эффективность их применений у меня уже не вызвала сомнений. Забегая вперед, скажу, что результаты этих исследований были реализованы при разработке и создании дифракционных измерителей (ЛДИ) в межотраслевом конструкторском отделе при ЦКБ «Точприбор». Такой отдел был создан совместно с ИАиЭ СО АН СССР и НПЗ им. Ленина по инициативе Ю. Е. Нестерихина и В. П. Коронкевича для ускорения внедрения достижений института в промышленности.

Опыт анализа сложных дифракционных полей, который я приобрел у Вольдемара Петровича, очень пригодился при решении задач дифракции на трехмерных телах. С необходимостью учета влияния объемности объекта на его спектр мы начали сталкиваться по мере повышения требований к точности измерений размеров объектов дифракционными методами. Наблюдаемые отличия экспериментальных результатов от ожидаемых (до десятков микрометров и более) в рамках теневой модели при дифракционных измерениях заставили всерьез заняться этим вопросом. Первая попытка решения этой задачи при участии Вольдемара Петровича была предпринята нами в начале 1980-х годов. Ее результаты были опубликованы в американском журнале *Applied Optics* (1979). Мы попытались в максимальной степени использовать геометрические подходы к объяснению в спектре трехмерных эффектов. Однако не во всех случаях они приводили к успеху. Необходимо было в некоторых предположениях «выйти» на более точные результаты, опираясь на волновую оптику. И такие результаты были получены нами позднее и опубликованы в журнале *JOSA* (1989, 1998). Эти работы положили начало новому предложенному мною научному направлению — «фурье-оптика 3D-объектов».

Важное место в биографии Вольдемара Петровича в институте заняла его деятельность на посту секретаря объединенной партийной организации ИАиЭ и СКБ НП СО АН СССР. Он возглавлял ее в переломный период, когда нужно было реализовывать идеи директора института по более тесной интеграции ИАиЭ, МКО ЦКБ «Точприбор», НПЗ им. Ленина и СКБ НП. Несколько позже в интеграционный процесс был включен НПО «Восток», в котором активно начали выполняться работы по созданию отечественных фотодиодных линеек (они были поставлены во многом благодаря П. Е. Твердохлебу). Эти работы увенчались успехом: серийно освоенные линейки ЛФ-1024 многие годы были одними из лучших в стране с характеристиками на уровне лучших зарубежных образцов. Как это ни покажется странным, но партийные методы работы с коллективами — участниками совместных работ —

оказывали свое благотворное влияние. Хорошо помню совместное заседание (в библиотеке института) партбюро ИАиЭ, СКБ НП, ЦКБ «Точприбор» и НПЗ им. Ленина, посвященное проблемам взаимодействия организаций и пути повышения эффективности их деятельности при создании опытных образцов различного назначения, разработанных в ИАиЭ. Налицо были явные противоречия, тормозившие процесс внедрения, не говоря уже об объективных причинах, связанных, прежде всего, с необходимостью выполнения в срок работ по оборонной тематике. И вот здесь Вольдемар Петрович, имеющий, бесспорно, высокий авторитет у заводчан, продемонстрировал «высший пилотаж». Пройдя «по лезвию бритвы», он решение зашедших в тупик вопросов вывел на верную дорогу, переводя их, вместо выяснения отношений, в конструктивное русло. Равных Вольдемару Петровичу в этом деле не было. Не случайно Юрий Ефремович, зная в нем этот талант, часто использовал его в критических ситуациях, возникающих не только внутри, но и вне стен института.

В связи с этим не могу не вспомнить достаточно неприятный случай с нашими ребятами, попавшими по молодости в передрагу (выяснения отношений в общежитии). Районный прокурор грозился посадить их на немалый срок и вполне реально мог это сделать. Требовался совершенно нестандартный шаг, чтобы закрыть дело, которое по большому счету выеденного яйца не стоило (по-видимому, кому-то нужна была все та же статистика!). Я обратился с просьбой о помощи к Вольдемару Петровичу. Он немедленно взялся за дело. Будучи партгором ИАиЭ, он решил обратиться к депутату Верховного Совета СССР академику Д. К. Беляеву, который был в то время директором ИЦиГ, заместителем Председателя Президиума СО АН СССР. Дмитрий Константинович принял В. П. Коронкевича и обещал помочь. И слово свое сдержал. Вскоре от ребят отступились. Можно только догадываться, как могла сложиться жизнь молодых перспективных научных сотрудников, если бы случилось худшее.

В 1980-х годах волей обстоятельств я неожиданно стал партгором ИАиЭ. Далеко не последнюю роль здесь сыграл Вольдемар Петрович. А дело было так. Часть членов партбюро при очередных выборах секретаря парторганизации решила выдвинуть на этот пост мою кандидатуру (мне тогда было 37 лет). По-видимому, ими руководило желание разорвать сложившийся круг партсекретарей и, таким образом, внести свежую струю в деятельность объединенной парторганизации, где-то даже оппонируя директору института. Некие идеи относительно улучшения ее деятельности у меня были. Нужно было, прежде всего, стабилизировать работу института с СКБ НП, во взаимоотношениях с которым усилились противоречия. Они не смогли не отражаться негативно на выполнении совместных сквозных тем. К моменту голосования на партбюро должен был подойти директор института Ю. Е. Нестерихин, который был его членом. Но так как он запаздывал (затянулось заседание Президиума СО РАН), то члены бюро, не став его дожидаться, решили провести выборы без него. В результате я был избран секретарем парторганизации. Вернувшийся с заседания Президиума Юрий Ефремович, ничего не подозревая, поздравил Виктора Сергеевича Соболева с избранием на этот пост (было запланировано его избрание). Вместо благодарности от Виктора Сергеевича он услышал совершенно неожиданное: «Юрий Ефремович, Вы должны поздравить не меня, а Юрия Васильевича Чугуя, который избран на этот пост». На следующий день состоялась моя беседа с директором. Чтобы решить возникшую проблему, я предложил ему следующее: «Юрий Ефремович, если Вы считаете, что при выборах не учли Ваше мнение, то к этому вопросу можно вернуться еще раз. Давайте соберем партбюро и переголосуем». Но так как главный помощник директора по решению сложных коллизий Вольдемар Петрович на следующий день уехал в Париж (участие в международном сличении результатов измерений ускорения свободного падения различными гравиметрами), то к этому вопросу Юрий Ефремович решил вернуться через месяц после его возвращения. Можно понять мои чувства на протяжении этого периода: меня многие поздравляли и удивлялись произошедшим переменам (невиданное дело — партбюро шло против воли директора!), но на душе у меня «скребли кошки», я чувствовал себя «подвешенным».

По приезде Вольдемара Петровича у него состоялся разговор с директором института. Со слов В. П. Коронкевича, Юрий Ефремович выразил крайне негативное отношение к результатам выборов и потребовал переголосования, на что ему Вольдемар Петрович резонно заметил: «Юрий Ефремович, уже весь городок (да и Президиум Отделения) знает о произошедшем и с интересом наблюдает, чем закончится вся эта история. Мой Вам совет — если Вы не хотите скандала, то не делайте этого». И тут последовал вопрос Юрия Ефремовича:

«А вообще-то, кто такой Чугуй, я знаю его как инициативного научного сотрудника, но что можно от него ожидать на посту парторга нашей организации». Вольдемар Петрович успокоил директора, заявив, что он — достаточно трезвомыслящий человек и будет ему хорошим подспорьем в решении проблем взаимодействия ИАиЭ с СКБ НП. Юрий Ефремович не мог не согласиться с мудрым Коронкевичем и не стал «поднимать бучу». Уже в присутствии Юрия Ефремовича на заседании партбюро в спокойной обстановке состоялось распределение обязанностей, намечены планы работы парторганизации. Вот так Вольдемар Петрович разрешил серьезный (по тем меркам) конфликт в партийной жизни коллектива ИАиЭ и СКБ НП. Ну а я два срока проработал на партийном поприще. За это время нам удалось поднять роль парторганизации при решении порой непростых проблем — и кадровых, и производственных, а также при улаживании ряда конфликтных ситуаций во взаимоотношениях с СКБ НП. Юрий Ефремович считался с мнением партбюро и был, как мне кажется, доволен его работой.

Очень важное значение для ИАиЭ в 1970-е годы имело установление прочных связей с международным оптическим сообществом. Юрий Ефремович делал все возможное, чтобы наладить такое сотрудничество в форме совместных симпозиумов, семинаров. Так как ИАиЭ в нашей стране все сильнее «набирал вес» в области голографии и оптической обработки информации, то западные ученые проявили серьезный интерес к сотрудничеству с институтом на долговременной основе. Инициатором в этом деле выступил известный в мире ученый Джордж Строук, профессор Нью-Йоркского университета, автор первой в мире монографии, посвященной голографии и когерентной оптике. Чуть позже эстафетную палочку подхватил проф. Адольф Ломан из Калифорнийского университета. С нашей стороны «моторами» сотрудничества были Петр Емельянович Твердохлеб, Вольдемар Петрович Коронкевич и Валерий Константинович Малиновский. «В сухом остатке» международного сотрудничества в 1970–1980-е годы — проведение в 1973 г. международного семинара по голографии и оптической обработке информации в Новосибирске, затем ряд форумов по данной тематике: два советско-американских семинара и два советско-западногерманских семинара и другие. Эти мероприятия вызвали резонанс в мировом оптическом сообществе, что в немалой степени способствовало повышению научного авторитета ИАиЭ. Большая заслуга в этом принадлежала, безусловно, Вольдемару Петровичу. Представленные им интересные доклады по лазерным измерителям, умение доходчиво объяснить не только свои

Ю. В. Чугуй и В. П. Коронкевич в Париже.

результаты, но и результаты западных коллег советским участникам семинара и, наконец, исключительное человеческое обаяние были по достоинству оценены всеми участниками форумов. Особенно большой интерес вызвала серия докладов Вольдемара Петровича, посвященных свойствам и возможностям различных киноформов (аксионов, линзаконов) применительно к измерительной технике, а также экспериментальные результаты по их синтезу с помощью созданного в ИАиЭ лазерного фотоплоттера. Такой уникальной техники не было на западе, поэтому не случайно ряд западных ученых время от времени обращался в ИАиЭ с просьбой изготовить различные киноформы.

Большое значение Вольдемар Петрович придавал встречам с западными учеными в неформальной обстановке. Мне довелось быть участником одной из таких встреч в начале 1980-х годов с проф. Эрлангенского университета А. Ломаном. Он посетил ИАиЭ с целью организации совместных советско-западногерманских семинаров (к этому времени он переехал из США в ФРГ). Встреча была на квартире Вольдемара Петровича. Ей предшествовала длительная прогулка по окрестностям Академгородка, в которой, кроме проф. Ломана с женой, принимали участие сотрудники института — Петр Емельянович Твердохлеб, Женя Нежевенко, Людмила Черноморская (в роли переводчика) и я. А тем временем хозяйка квартиры Маргарита Абрамовна, жена Вольдемара Петровича, ответственно готовилась к встрече гостей. Когда мы возвратились с прогулки, стол почти был накрыт и, казалось, все было готово к приему гостей. Но меня поразило внезапное волнение, охватившее Вольдемара Петровича, что, казалось, ему было не свойственно. Он очень «переживал» и за картошку (чтобы подавали не остывшей), и за селедку (не пересоленная ли?), и, конечно, за водку (чтобы она была достаточно охлажденной). Он даже не скрывал своих эмоций. Чувствовалось, что он крайне ответственно относится к этой встрече, ему очень не хотелось «ударить лицом в грязь» перед иностранцами. Ведь, по сути, он впервые принимал иностранцев на дому. Как водится, сначала он представил гостям своих сыновей Сережу и Митю, показал квартиру. Уже после первой-второй рюмок водки все пошло своим чередом — по накатанной в этой квартире колее. И вот уже расслабленный и довольный Вольдемар Петрович, как заправский мэтр, начинает серию анекдотов на немецком языке (а владел он им свободно). Эстафетную палочку с удовольствием подхватил проф. А. Ломан: он рассказал кучу анекдотов о «весси» и «осси» (о западных и восточных немцах), в чем-то созвучных нашим анекдотам о чукчах. Засиделись мы допоздна. Отличный был вечер. Все шло на одном ды-

Во время приезда проф. А. Ломана из Университета г. Эрлангена (ФРГ). Слева направо: П. Е. Твердохлеб, Л. А. Черноморская, Е. С. Нежевенко, г-жа Ломан, Ю. В. Чугуй, В. П. Коронкевич, О. И. Потатуркин.

хании. Наш тамада — непревзойденный Вольдемар Петрович — был в ударе. Так я его узнал с другой — неформальной стороны. Много позже мне не раз приходилось быть с ним на такого рода мероприятиях, но эта встреча надолго запомнилась мне. Он всем нам показал, как надо принимать гостей «по высшему классу».

Думаю, что эта и другие встречи с иностранцами в немалой степени способствовали укреплению климата доверия между нами, установлению тесных личных отношений, разрушению сложившихся стереотипов о русских как о крайне угрюмых, некоммуникабельных, зажатых советской пропагандой людях.

Надо отметить, что уже будучи за рубежом, в рамках ответных симпозиумов и семинаров, наши коллеги тоже старались оказать нам максимальное гостеприимство. Доброжелательное отношение к нам демонстрировали многие западные участники наших совместных встреч. Не последнюю роль здесь играли и положительные впечатления западных ученых после возвращения из СССР. Кстати, комфортную обстановку я чувствовал всегда, посещая очередной раз западную Германию, в которую я попал в первый раз по приглашению проф. А. Ломана. Как правило, западные коллеги интересовались успехами Вольдемара Петровича «на лазерном фронте», тепло вспоминали встречи с ним, отмечали его профессионализм, исключительное обаяние, доброжелательность, остроумие, жизнерадостность.

...А по жизни Вольдемар Петрович был скромным, бескорыстным, весьма требовательным к себе человеком, готовым всегда прийти на помощь, дать добрый совет. С болью он переживал тяжелые 1990-е годы, когда не стало Советского Союза, и как он радовался ростам нового уже в последние годы своей жизни.

Он не рвался за наградами, за степенями. Уже когда Вольдемар Петрович был далеко немолодым, ученым, снискавшим всемирную славу в измерительном мире, усилиями д. т. н. П. Е. Твердохлеба удалось подвинуть его на защиту докторской диссертации (в то время как его ученики уже давно стали докторами). Члены докторского совета не могли «не снять шляпу» перед Вольдемаром Петровичем, когда прозвучали заключительные аккорды его научного доклада, вместившего научные и практические разработки за 40-летнюю деятельность, — аккорды неповторимого маэстро лазерной оптики.

Многолетние коллеги и друзья по работе.
Слева направо: Ю. Н. Дубнищев, В. П. Коронкевич, Ю. В. Чугуй и В. С. Соболев.

РЯДОМ С НЕОБЫКНОВЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

Вадим Андреевич ШАТАЛОВ

*Лаборант НГИМИП, инженер ИАиЭ СО РАН, инженер ЦЗЛ НЗХК,
директор малого предприятия ЗАО «СибАналитКомплект»,
в настоящее время пенсионер*

Начать свои воспоминания о Вольдемаре Петровиче Коронкевиче, в дальнейшем — ВПК, я хотел бы с «вишней», которые «родил» в 2008 г., по случаю 40-летия нашей лаборатории, поскольку в них вкратце описаны и ее история, и отношение ВПК к своим коллегам. За ранее прошу простить за некоторые изменения ударений и особенности орфографии, вызванные необходимостью соблюдения рифмы и ритма (в конце концов, даже Пушкин это себе позволял!).

В Шейсят седьмом, в июне,
Прогнали прочь с дневного,
Пошел я на вечерний,
Работу стал искать.

Попал я в Метрологию,
К завлабу Коронкевичу,
А тот меня отправил
Подальше, вниз, в подвал.

Вот там-то я и встретился
С Донцовой и Ленковой,
С Тарасовым, Лохматовым
И с Милей, и с Густырь.

Туда ж пришли на практику
И Петя Белоусов,
И Юра Василенко —
Студенты НГУ.

Работа там кипела
И коллектив был дружный.
Умели все работать,
Умели отдыхать...

Но вскоре Коронкевич
Поссорился с Директором,
Послал его подальше,
Ушел он в ИАЭ.

Вот так вот в Автоматике
Пошли все ДИПы, лазеры.
Все ИПЛы, Доплеры,
А также гравиметр.

Но, как и в Метрологии,
Не жили лишь работою,
Нас Вольдемар Петрович
И отдыхать учил.

В жару все закрывали
И шли на пляж, на море,
По сентяблям ходили
В Долинку на шашлык.

Все праздники встречали,
Все свадьбы, дни рождения,
Защиты диссертаций,
Рождения детей.

А я опять в подвале,
В комнате двенадцатой
С Лохматовым, с Сергеевой
Науку продвигал.

Потом мы переехали
На первый, в сто девятую,
Вот там и прекратил я
Науку продвигать.

Наука не заметила
Ушедшего Шаталова,
А продолжала двигаться
Прекрасно без него.

Уж тридцать с гаком минуло,
Как я с ВП расстался,
Но эти годы славные
Не в силах я забыть.

С тех пор все изменилось,
Уж Полещук завлабом,
И новая тематика,
И молодежь кругом.

Но так же все работает
Наш Вольдемар Петрович,
Наталья, Галя, Вера
И Толя Лохматов.

К моему глубокому сожалению, в 2009 г. произошли печальные события.

6 июня, в свой день рождения, скончался наш Вольдемар Петрович, а 30 декабря ушел из жизни Лохматов Анатолий Иванович.

Хотелось бы сказать, что коллеги ВПК, вспоминая его, главный упор делают на то, какой ВПК был незаурядный ученый, какие он постоянно генерировал и раздавал на все стороны замечательные идеи, какой был хороший руководитель и т. д. и т. п. Все это так. ВПК, несомненно, был Большим Ученым.

Но мне всегда было интересно, а почему я-то постоянно помню про ВПК и созданный им коллектив, из которого я ушел еще в 1976 году? Почему я все время встречаюсь с ними по любому поводу и без него, хотя у нас нет никаких общих производственных интересов? Почему люди работают с ВПК десятилетиями, а такие, как Ленкова Галина Александровна и Лохматов Анатолий Иванович, проработали с ним более 50 лет, до самой его смерти?

Все очень просто. ВПК, в первую очередь, был Великим Человеком. Талант ученого был просто частью его общего Таланта, таланта быть Человеком. Он любил науку, любил рабо-

тать, заниматься своей любимой оптикой, но он также любил и умел отдыхать. Он любил театр, литературу, русскую поэзию он помнил наизусть, наверное, всю. Он дружил со многими писателями, поэтами, артистами, художниками, любил людей, и люди любили его. Он вдохновлял нас на работу, фонтанировал идеями, но также организовывал походы в музеи и в театры. Когда столбик ртути переваливал за плюс 30°, он говорил: «Все. Пока не расплавились мозги, пойдемте на пляж». День лаборатории мы проводили в сентябре. Закупали мясо, мариновали и шли на речку в Золотую Долину делать шашлыки.

К ВПК можно было подойти с любым вопросом, с любой просьбой. Он внимательно выслушивал и помогал всем, чем мог.

В 1950-х, после защиты кандидатской диссертации, ему «грозила» перспектива стать Главным оптиком СССР. Он спасся от этой угрозы, вернувшись в свой родной Новосибирск. Более 10 лет он проработал в НГИМИП (Новосибирский государственный институт мер и измерительных приборов, сейчас СНИИМ) начальником лаборатории № 5. В 1968 году перешел на работу в ИАиЭ и основал там целое направление, по сути, изменив всю судьбу института.

Думаю, никто не сомневается, что при своих знаниях и талантах ВПК должен был стать академиком. Директором ИАиЭ он мог стать неоднократно, но его только в 2002 году, накануне 75-летия, буквально заставили друзья и ученики защитить докторскую диссертацию, хотя кандидатскую он защитил еще в середине 1950-х. Ему просто были не интересны все эти звания и регалии. Он любил Науку саму по себе.

ВПК, наверное, один из последних Ученых, которые не только создали Академгородок как объект, но и вдохнули в него душу, создали ту неповторимую ауру, которая была присуща только нашему Академгородку. Таких Людей и Ученых практически не осталось.

Что делать, как говорит Познер, «Вот такие Времена!»

Прощайте, Дорогой Вольдемар Петрович!!!

Мы Вас всегда будем любить и помнить.

В.А. Шаталов поздравляет В.П.К. с 80-летием

И ЭТО ВСЕ О НЕМ

Анатолий Миронович ЩЕРБАЧЕНКО

*Кандидат технических наук,
старший научный сотрудник ИАиЭ СО РАН*

Судьба свела меня с Вольдемаром Петровичем Коронкевичем морозным ноябрьским утром в 1967 году. В.П., работавшему в это время в Институте метрологии (сейчас СНИИМ) над созданием прецизионных лазерных измерителей перемещений, потребовалось представить результаты измерений перемещений в цифровом виде. Он попросил своего друга — известного специалиста в области цифровой техники в то время — к. т. н. Илью Филипповича Клисторина помочь ему решить возникшую проблему. И.Ф. выбрал двух молодых сотрудников своей лаборатории — В. П. Кирьянова и меня — и отправил к В.П. оценить его проблемы и наши возможности. К нашему взаимному удовлетворению поставленная задача была решена, правда, с третьего захода. Это и определило в дальнейшем сотрудничество лабораторий И. Ф. Клисторина и В. П. Коронкевича. Этому способствовал и переход последнего на работу в Институт автоматики и электрометрии СО АН по приглашению Ю. Е. Нестерихина.

В институте сразу же началась активная работа по созданию прецизионных лазерных измерителей перемещений с разрешением 0,1 мкм. Уже к зиме 1968 года был создан первый отечественный лазерный измеритель перемещений ИПЛ-1. Он был продемонстрирован Ю. Е. Нестерихиным во время его первого, после избрания директором Института, выступления перед академиками на секции общей физики и астрономии в старом здании Президиума АН СССР.

С ИПЛ-1 в ИАиЭ (1968 г.).

Слева направо: В. В. Донцова, А. М. Щербаченко, В. П. Коронкевич, Г. А. Ленкова.

Этот же прибор позволил В. П. Коронкевичу и нам, работающим с ним, познакомиться с интересными людьми и попутешествовать по стране и миру. Сразу же после демонстрации в Президиуме интерферометр был установлен на прецизионной координатно-измерительной машине КИМ-600 производства НПО «Техника», г. Владимир. Главный инженер этого НПО В. И. Аксенов, талантливый инженер-разработчик станков с ЧПУ, первым в СССР установил на станки не только прецизионные оптические шкалы, но и профинансировал разработку лазерных измерителей перемещений ИПЛ-1 и ИПЛ-2. Его жена Алиса Иванова, директор и организатор Владимиро-Суздальского заповедника, устроила для нас в тот приезд потрясающие экскурсии в Успенский собор г. Владимир, известный фресками Андрея Рублева, и в музей города Гусь-Хрустальный. Впоследствии она написала книгу о том, как создавался этот музей-заповедник, и подарила книгу В. П. Коронкевичу.

Опытно-конструкторская работа по созданию лазерного измерителя перемещений ИПЛ-2 выполнялась совместно Новосибирским приборостроительным заводом имени В.И. Ленина, который выпустил в 1970 г. партию приборов (около 30 штук) для промышленного использования. По общесоюзным правилам за внедрение изобретения заводом авторам полагалось 200 руб. (В то время зарплата младшего научного сотрудника составляла ~ 130 руб.). Так как часть вознаграждения (180 руб.) авторы уже получили в институте, то оставшиеся 20 руб. нужно было разделить на шестерых. В результате за эту инновационную деятельность В. П. Коронкевич и я получили от завода авторское вознаграждение в размере 3 р. 34 коп, остальные четверо соавторов изобретения — по 3 р. 33 коп. Просто двадцать рублей не делилось на 6 равных частей без копеек. От Рижского завода, также выпустившего партию ИПЛ-2 под именем ИПЛ-7, авторы вообще не получили никакого вознаграждения. И все-таки мы были первыми, кто в Советском Союзе достиг такого результата. Через четыре года напряженной работы по этой тематике В. П. Кирьянов и автор этих воспоминаний успешно защитили кандидатские диссертации.

Мы (В. П. Коронкевич, Г. П. Чейдо, В. Г. Ремесник и А. М. Щербаченко) были первыми в Советском Союзе среди тех, кто осуществил компьютерную запись цифровых голограмм в реальном времени на халькогенидных стеклообразных полупроводниковых пленках на прецизионном лазерном построителе изображений «Зенит». В дальнейшем это направление получило достойное развитие при создании кругового лазерного построителя дифракционных элементов.

Когда институт посетили член ЦК болгарской компартии Огнян Дойнов и дочь первого секретаря Людмила Живкова, они обратили внимание на лазерный интерферометр, встроенный в прецизионный фотограмметрический автомат «Зенит». Результатом знакомства с нашими разработками была намечена совместная работа с Институтом вычислительной техники НРБ по разработке серворайтера для разметки пакета магнитных дисков большой емкости для вычислительных машин ряда ЕС. Работа длилась несколько лет и завершилась успешно.

Работы, выполняемые совместно с В. П. Коронкевичем, имели, как правило, прикладной характер и выполнялись на высоком инженерно-техническом уровне. Электроника лазерных измерителей перемещений непрерывно совершенствовалась. Так, если электронные узлы ИПЛ-1 были выполнены из навесных элементов, то электронные узлы ИПЛ-2 — на отечественных микросхемах. На ИПЛ-2 было получено авторское свидетельство СССР и пять зарубежных патентов, впоследствии использованных при создании ряда прецизионных измерительных систем, которыми до сих пор гордится Институт автоматики.

Работать с В.П. было всегда интересно. Он был внимателен ко всему, что происходило вокруг него, касалось ли это ученого с мировым именем или обычного научного сотрудника. Когда кто-либо заходил в комнату, где был его рабочий стол, и он сидел за ним, первое что он говорил: «Садись...» или «Садитесь...», и только после этого начинался разговор.

Когда умер Ф. И. Кокоулин — конструктор лаборатории, В. П. Коронкевич пригласил в институт его жену и малолетнего сына, сказал несколько теплых слов о нем и вручил сыну грамоту, которой должен был быть награжден отец.

Его комментарии и высказывания были всегда точны и образны. Когда на Международной выставке один из сотрудников лаборатории, настраивая интерферометр, сказал в присутствии иностранного специалиста: «Сейчас мы эту призму закрепим быстро по-русски», В.П. сразу же отреагировал, сказав: «Не по-русски, а по месту».

А чего стоит выражение, произнесенное им на Дне науки в 1970 году в Доме ученых Академгородка относительно перспектив научно-исследовательской работы лаборатории: «Если двое считают деньги, стань рядом — хуже не будет». Он устойчиво стоял на поле интерферометрии, вовлекал других сотрудников в эту область, написал свыше двухсот статей, несколько монографий и защитил свои разработки авторскими свидетельствами СССР и рядом зарубежных патентов.

Свободные промежутки времени во время командировок всегда заполнялись посещениями театров и музеев (в Москве: «Смерть Иоанна Грозного» в театре Советской армии и «Большевики» в театре имени Пушкина, в Ленинграде: летний Петергоф, в Болгарии: синод болгарской православной церкви), просто книжных магазинов, где он покупал понравившуюся ему книгу. Так, в Болгарии он приобрел «Французскую новеллу 20 века» и тут же прочел ряд рассказов, в том числе рассказ Анри Труайя «Ошибка», восторгаясь юмором современных французских писателей.

«Как хорошо мы плохо жили» — писал Борис Рыжий в одном из своих стихотворений. Когда я нашел его стихотворения в Интернете и рассказал об этом Б. Н. Панкову, одному из старейших сотрудников Института, он сказал, что В.П. об этом авторе рассказывал уже больше года назад. О стихах этого автора я завел разговор и с Галиной Александровной Ленковой. Она тут же показала мне томик стихов. Б. Рыжего. Как оказалось, он принадлежал В. П. Коронкевичу и был взят у Татьяны Моисеевны Ивановой. Теперь эта книга с разрешения Татьяны Моисеевны принадлежит мне как память о В. П. Коронкевиче, наряду с великолепным фотоальбомом, подаренным им в день моего 60-летия.

В. П. Коронкевич любил выбирать и делать подарки сотрудникам и знакомым. Так упомянутому Б. Н. Панкову он подарил миниатюрный томик О. Хайяма, К. М. Соболевскому великолепную рубашку со словами, что она взамен той, которую он «разорвал на себе, помогая собирать материалы к докторской диссертации» В. П. Коронкевича. Вере Денчевой, сотруднице Института вычислительной техники НРБ, когда она уезжала в Болгарию, он подарил огромный белый пион, с которым та не расставалась до приезда в Софию, несмотря на задержку авиарейса и потерю цветком своего первоначального вида.

В. П. Коронкевич любил путешествовать. Некоторые путешествия остались неосуществленными. Так, ему очень хотелось посетить Австралию. И повод был — проведение измерений гравитационного ускорения земли лазерным гравиметром, в котором использовался интерферометр, созданный им. «Там же мой интерферометр!», с горечью говорил он. Но

Юбилей А. М. Щербаченко (1999 г.)

Ю. Е. Нестерихин из них двоих оставил себя в составе группы, хотя потом органы, контролирующие число поездок в капиталистические страны, и его тоже исключили из списка.

Во время первой поездки в Париж В.П. вместе с И. Ф. Клисториным попросили на выставке специалиста фирмы Хьюлетт-Паккард открыть крышку интерферометра с двухчастотным лазером. Тот спросил: «Вы из какой страны?». Когда они ответили, он сказал: «Смотрите, все равно Вы не сумеете повторить». Но он, как оказалось впоследствии, ошибся. Интерферометр с двухчастотным лазером был создан в лаборатории В.П. и использовался в Институте ядерной физики.

После посещения лаборатории Бэлла в США В.П. запомнил слова, сказанные когда-то Бэллом, которые звучат примерно так: «Если не знаешь, что делать, походи в лес и выбери любую тропинку. Может быть, она выведет тебя на широкую дорогу».

Всех сотрудников он делил на две группы — те, что просто работали, и те, что работали на результат. После посещения Тувы со своим старшим сыном и другом детства Владимиром Федоровичем Горбуновым он делился впечатлениями об одной рыбалке. Местный рыбак, стоявший рядом, непрерывно ловил рыбу, а у них ничего не получалось. На вопрос: «Почему так?», тот ответил: — «Придя на рыбалку, думай только о рыбе, тогда и будет результат». Это высказывание В.П. относил и к работе в лаборатории.

В газете «Наука в Сибири» № 18 за 1970 г. В. П. Коронкевич писал: «Лазерная интерферометрия находится в детском возрасте. Ее измерительные возможности не только не исчерпаны, но еще далеко не осознаны. Широкая область применений — от измерения сдвига континентов до определения перемещений в станках — только начинает привлекать к себе внимание. Следует учитывать, что темп развития квантовой электроники чрезвычайно высок, очень высока и экономическая эффективность новых устройств. Новые измерительные устройства внесут несомненный прогресс, особенно в области автоматизации научного эксперимента».

Сказанное В.П. Коронкевичем 42 года назад справедливо и сейчас. Как оказалось, еще не все тропинки пройдены. Есть куда идти.

А.М. Щербаченко поздравляет В.П.К. с 80-летием

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ И ДРУГА КОРОНКЕВИЧА ВОЛЬДЕМАРА ПЕТРОВИЧА

Юрий Иосифович ЯМЩИКОВ

Директор ООО НПЦ «СИЛИР» с 1987 по 2007 г.

С Вольдемаром Петровичем Коронкевичем мы познакомились в 1952 году, когда он в качестве преподавателя по курсу «Метрология» пришел к нам на кафедру точного машиностроения (вечернее отделение НЭТИ — филиал на НПЗ) и был представлен начальником отделения института Роздовым Виктором Абрамовичем. Здесь мы узнали, что Вольдемар Петрович работал заместителем начальника сборочного цеха, выпускающего измерительные приборы для линейных и угловых измерений. Он начинал свой трудовой путь в первые послевоенные годы, когда наш Приборостроительный завод осваивал впервые гражданскую измерительную технику: измерительные инструментальные микроскопы и оптические делительные (угломерные) головки. С высоты прожитых лет кажется, что это была простая техника, но тогда эти микроны и угловые секунды, которые нужно было покорять, требовали от технического руководителя цеха глубокого знания теории точных наук и высокой степени самоотдачи по организации работ.

Благодаря упорной и высокоответственной работе инженерно-технической службы, которую возглавлял Вольдемар Петрович, микроны и угловые секунды были покорены, и было положено начало серийному выпуску инструментальных микроскопов МГЛИ-1 и оптических делительных головок — ОДГ.

Вскоре Вольдемар Петрович был приглашен в Институт метрологии, где успешно защитил кандидатскую диссертацию. Это было в то время очень редким событием. Лекции Вольдемара Петровича по метрологии отличались доходчивостью изложения, так как он знал свой предмет не только по прочитанным книгам, но и по опыту практической работы инженера.

Мы, студенты, с интересом слушали его лекции и проникались к нему глубоким уважением. И во время зачетов, и на лабораторных работах, и на экзаменах он с большим уважением и вниманием выслушивал ответы студентов на те или другие вопросы. Всегда уточнял ответы дополнительными наводящими вопросами и превращал ответ в дружескую беседу. Благодаря Вольдемару Петровичу метрология стала нашим любимым предметом, а сам он стал для нас любимым преподавателем. Это уважение и любовь к нему лично я пронес через всю свою жизнь.

Работая на Приборостроительном заводе в должности заместителя начальника цеха, а потом и начальником цеха, я довольно часто встречался с Вольдемаром Петровичем. И я не помню случая, чтобы он отказался от встречи, сославшись на занятость, хотя работал он много и напряженно. Он сознавал важность нашей работы. Ведь мы создавали новые опытные измерительные приборы. Это ему было интересно. Он всегда давал нам дельные советы по метрологическим испытаниям выпускаемой техники.

Работая в качестве доцента на оптическом факультете НИГАиКа, я в преподавательской работе применил методику Вольдемара Петровича — индивидуального внимательного подхода к каждому студенту. Мои студенты стали руководителями производственных участков, цехов, лабораторий, некоторые защитили кандидатские диссертации. А, например, Верхогуров Олег Петрович стал ученым секретарем НИГАИКа, написал и подарил мне книгу

«Введение в вычислительную оптику». Он был очень перспективным ученым. Главная моя гордость — мой ученик Шлишевский Виктор Брунович, который в результате упорного целенаправленного труда в научной деятельности одолел государственной важности дело: написал монографию «Теория и практика светосильной растровой спектроскопии». Он стал выдающимся молодым ученым, профессором, организатором науки и весьма уважаемым человеком. В этом есть и большая заслуга Вольдемара Петровича, его метода подготовки специалистов. И Олег, и Виктор подарили мне свои книги с дарственными надписями, и я горжусь своими учениками.

Работал я и на кафедре оптики, которую возглавлял выдающийся конструктор и талантливый ученый Итигин Азарий Самуилович, верный и близкий друг Вольдемара Петровича. Мы встречались и у нас на кафедре, и в лаборатории ИАиЭ в Академгородке. Эти встречи представляли обоюдный интерес и пользу, так как творческие люди не могут не общаться.

После годового перерыва, когда я был направлен в Белоруссию главным конструктором на вновь строящийся завод, где удалось разработать новый прибор и запустить конвейер сборки прибора, по велению Министерства я снова был переведен в ЦКБ «Точприбор», которое было создано по приказу министра оборонной промышленности. Его первым начальником был назначен лауреат Ленинской премии Кручинин Николай Сергеевич — высококвалифицированный специалист, который хорошо знал Вольдемара Петровича.

Я стал начальником научно-исследовательской лаборатории оптотехники. Нужно было создавать принципиально новые измерительные прецизионные системы. Прежде чем приступить к работе, мы вместе с моим начальником сектора Чуличкиным Б. Н. и ведущим инженером Кулсеновым В. С. поехали к Вольдемару Петровичу. Он нас радостно встретил, ознакомился с нашими проблемами, и мы наметили план действий по оснащению лаборатории необходимым оборудованием, в которое вошли: делительная машина, измерительная машина, термозал, система гашения вибраций по трем координатам с амплитудой не более 1 мкм, система термостабилизации $\pm 0,1$ °C. Мы приступили к работе. Должен сказать, что Вольдемар Петрович и Юрий Васильевич Чугуй неизменно были нашими кураторами долгое время. Их лаборатория стала для нас родным домом.

По совету Вольдемара Петровича мы начали с создания элементной базы для оптико-электронных систем. А это большая, трудоемкая и очень многоплановая работа: и выбор материала, и выбор способов изготовления, и многочисленные командировки для согласования и приобретения всевозможных комплектующих.

Помощь исследовательской лаборатории Вольдемара Петровича была постоянной, а советы — бесценными. Через два года упорной творческой работы мы имели термозал, делительную и контрольную машины, оригинальную систему гашения вибраций и приступили к разработке оптической системы нанесения элементов шкал.

В процессе этой работы мы, по представлению Вольдемара Петровича, впервые встретились с акад. Нестерихиным Юрием Ефремовичем, который за чашкой кофе обсуждал с нами проблемы внедрения научных достижений Академгородка на промышленных предприятиях. Эти беседы нам, заводским ученым, запомнились своей доверительностью и высокой эрудицией собеседников, я бы сказал еще — одухотворенностью и интеллигентностью. Эта встреча для нас была эпохальной и определила наш путь исследований до конца прошлого столетия.

Присутствие в кругу ученых Вольдемара Петровича вселило в меня твердую уверенность в том, что наша научно-исследовательская оптотехническая лаборатория с помощью Вольдемара Петровича и сотрудников его лаборатории пойдет до победного конца и успешно справится с поставленными задачами. Так оно и вышло. Мы определили материал, из которого будут изготавливаться шкалы, лазерную технологию, разработали оптическую систему формирования лазерного пучка в виде штриха (все это — впервые в нашей стране), разработали систему виброгашения с амплитудой $> 0,8$ мкм по трем координатам без дорогостоящих фундаментов, систему термостабилизации с точностью 0,1 °C равномерно по всему объему зала и 0,06 °C в зоне записи шкалы (нанесение штрихов).

Заслуга Вольдемара Петровича еще и в том, что в самое трудное время, когда в стране начались разрушительные процессы и многие предприятия стали закрываться, не получая заказов от государства, наша лаборатория преобразовалась в ООО НПЦ «СИЛИР» — малое предприятие. Мы организовали серийный выпуск оптических линеек для оптико-электронных преобразователей перемещений, а затем разработали и изготовили опытные образцы преобразователя I класса — тоже впервые в нашей стране. Серийный выпуск этих датчиков

длины позволил выпустить установочную партию 3-координатной измерительной машины I класса на Черкасском объединении «Электропривод», возглавляемом генеральным директором Чабановым Алимом Ивановичем, который хорошо знал Вольдемара Петровича и высоко ценил его как ученого специалиста.

Я глубоко удовлетворен тем, что нашей фирме ООО НПЦ «СИЛИР», которую я возглавлял с 1987 по 2007 г., при помощи Вольдемара Петровича Коронкевича и Юрия Васильевича Чугуя удалось создать современное автоматизированное высокоточное измерительное оборудование I класса с точностью 1 мкм. Это величественный памятник Вольдемару Петровичу и всем нам, создателям этого грандиозного метрологического сооружения.

Много хороших свершений оставил Вольдемар Петрович на нашей земле, и последним, пожалуй, самым гуманным является искусственный хрусталик глаза, которым он, как добрейший человек, очень гордился. Было бы очень справедливо назвать его «Хрусталик Коронкевича».

Вольдемар Петрович Коронкевич остался в памяти всех людей, кто его знал, как выдающийся ученый, педагог, верный друг, скромный и щедрый товарищ. Он был и остается Великим гражданином нашего Отечества!

Я бесконечно благодарен судьбе за встречу с ним в моей многотрудной творческой прекрасной жизни!

Вольдемар Петрович будет вечно жить в нашей памяти.